ФИЛОСОФЪ
ГОРЫ АЛАУНСКОЙ,

ИЛИ

МЫСЛИ НА ДОНУ О ВСТУПЛЕНИИ ВЪ РУССКІЕ ПРЕДѢЛЫ НАПОЛЕОНА И СОВЕРШЕННОМЪ ЕГО ПОРАЖЕНИИ.

Сочиненіе

Ѳ. Покровскаго.

МОСКВА, 1813.

Въ Университетской Типографіи.

Съ одобренія Господина Министра народнаго просвѣщенія.

ФИЛОСОФЪ

ГОРЫ АЛАУНСКОЙ (*).

Вся Природа приняла иной видъ вѣчнаго своего измѣненія; прекрасные цвѣтки и зелень поблекли на прекрасныхъ долинахъ; уже острый серпъ поселянина пожалъ златые класы на поляхъ плодоносныхъ; рѣзвыя струи древняго Танаиса (**) окованы зимнимъ хладомъ. Добрые земледѣльцы послѣ потовыхъ трудовъ своихъ покоятся въ щастливыхъ хижинахъ. Старцы повѣствуютъ юношамъ о дѣлахъ настоящихъ и прошедшихъ, о дѣлахъ добрыхъ и худыхъ, и собственными опытами и живыми примѣрами своихъ сосѣдей поучаютъ ихъ добродѣтели, хозяй-

(*) Высокая и весьма обширная плоская возвышенность внутри Европейской Россіи съ великими отлогостями на Западъ, Сѣверъ и Югъ. Самую большую ея высоту можно полагать между Москвою, Торопцемъ, Смоленскомъ и Тулою.

(**) Нынѣ Донъ.

ству и блаженной семейственной жизни. Такимъ образомъ длинные и скучные осеннïе вечера протекаютъ у нихъ на подобïе быстраго прозрачнаго потока скоро и весело въ чистыхъ, никогда неизчерпаемыхъ семейственныхъ радостяхъ. Философъ горы Алаунской посреди своихъ друзей повѣствуетъ незабвенные подвиги Русскихъ Ироевъ противъ Французскихъ полчищъ, насильственно вторгшихся въ предѣлы Русскаго Царства; — повѣствуетъ великïя дѣла Русскихъ Ироевъ, которыхъ имена вѣчно останутся въ памяти благодарнаго потомства, а громкозвучная слава возвѣститъ оныя отдаленнѣйшимъ странамъ свѣта.

,,Крутые берега, окружающïе прозрачныя струи древняго Танаиса, пространныя долины, широкïя поля, покрытыя пушистымъ инеемъ и снѣгомъ! внемлите повѣсти мирнаго вашего жителя! Безпристрастная Муза (*)! ты будешь его руководительницею.“ Такъ началъ пѣснь

(*) Клïо, Муза Исторïи.

свою почтенный старецЪ, житель древняго Алауна.

Никогда еще не было обширнѣйшей и сильнѣйшей Имперїи на земноводномЪ нашемЪ шарѣ, какова есть нынѣшняя Россїя подЪ кроткимЪ СкипетромЪ АЛЕКСАНДРА Перваго. Сїя щастливая страна ИроевЪ, отечество СлавянЪ, мать безчисленныхЪ древнихЪ и нынѣшнихЪ народовЪ, своимЪ протяженїемЪ вѣнчаетЪ почти весь СѣверЪ. Она есть та колоссальная жена, которой величественное чело, украшенное инеями и льдяными кристаллами, возвышается до полюса. Пять пространнѣйшихЪ морей окружаютЪ высочайшїй престолЪ ея, сооруженный изЪ гранита, мрамора, яшмы, прїосѣненный дремучими лѣсами, изукрашенный злачными класами и разнаго рода металлами, родящимися вЪ обширныхЪ ея владѣнїяхЪ. Побѣда, слава, изобилїе, науки, художества, мореплаванїе, торговля и другїе безчисленные трофеи блаженства ея подданныхЪ составляютЪ столпы поддерживающїе и украшающїе оный. Высочайшїе хребты Кар-

пата, Тавриды, Кавказа и отрасли неизчерпаемаго въ сокровищахъ Рифея (*) составляютъ гранитное ея подножїе, къ разрушенїю котораго всесокрушающее время едва прикоснуться дерзаетъ. — Одною дланїю касается водъ Варяжскихъ, а другою досягаетъ отдаленнѣйшихъ водъ Тихихъ; — одною дланїю касается Востока, а другою Запада. Величественно возвышенную грудь ея составляетъ плодоноснѣйшїй Алаунъ. Пять главныхъ рѣкъ изъ него истекающихъ (**), на подобїе сосцовъ питаютъ миліоны благоденствующихъ чадъ ея. Великолѣпная ея одежда съ отливающимися сгибами изпещрена лилїями, розами и амарантами, которыя и украшаютъ ея обиталище и благовонїями наполняютъ воздухъ. Окрестные народы съ благоговѣнїемъ взираютъ на ея владѣнїе, и никакое непрїязненное дуновенїе прикоснуться къ ней не смѣетъ. Ея мощная

(*) Рифей, или горы Рифейскія — нынѣ Уральскія.

(**) Днѣпръ, Донъ, Волга, западная и сѣверная Двина со многими побочными своими рѣками вытекаютъ изъ горы Алаунской.

десница въ одно и то же время, когда разрушаетъ ребра горъ, отверзаетъ отдаленнѣйшія моря, строитъ гавани и города, даетъ водамъ иное направленіе, чтобъ безпрепятственно текли богатства къ ея подданнымъ — пишетъ святую правду народамъ. Она ничего не зиждетъ, ничего не предпринимаетъ, ни о чемъ не печется, кромѣ какъ о внѣшнемъ и внутреннемъ щастіи и изобиліи чадъ своихъ, ликующихъ, благословляющихъ и славословящихъ свое благоденствіе. На величественномъ челѣ ея изображены милосердіе, великодушіе, геройство, правосудіе, кротость — соборъ всѣхъ божественныхъ добродѣтелей. Она караетъ — дерзновенныхъ, наказываетъ — вѣроломныхъ, истребляетъ — непокоривыхъ; она щастливитъ — кроткихъ, милуетъ — покорныхъ, благословляетъ — вѣрныхъ. Прекрасное солнце посреди яснаго небосклона есть ея взоръ, утро — величество, полдни — немерцающій блескъ, нощь — тишина и спокойствіе.

Солнце вступаетъ въ созвѣздіе знойнаго рака; начинается красное лѣто;

свѣтлый горизонтъ Сѣвера помрачается; быстро несутся темныя тучи отъ Запада; ясное солнце въ блескѣ полудня покрывается густою мглою. Миролюбивая Россїя, сїя величественная жена, возсѣдящая подъ лаврами на горѣ Алаунской, облокотясь на гранитныхъ скалахъ Кавказскихъ и Рифейскихъ, возносящая кроткое чело свое выше облакъ, съ эфирной высоты взираетъ на цвѣтущїя свои Царства, взираетъ на безчисленныхъ своихъ народовъ, взираетъ на моря пространныя, поля плодоносныя, пажити тучныя, взираетъ и — мнитъ: „Что помрачаетъ прекрасный горизонтъ моей области? Какое облако затмѣваетъ красные дни моего владычества? Какая мгла закрываетъ ясные полдни благоденствїя моихъ подданныхъ?" Рекла — и преклонила величественное чело свое.

Кроткїя Нимфы водъ, увѣнчанныхъ тюльпанами и розами, изливающїя изъ неизчерпаемыхъ урнъ своихъ свѣтлыя струи древняго Ругона (*), возвѣстили

(*) Нынѣ Нѣменъ или Мемель.

своей обладательницѣ, что одинъ изъ многочисленнѣйшихъ народовъ на Западѣ — потомки древнихъ Галловъ — народъ, ослѣпленный лжемудрованїемъ, движимый безпримѣрнымъ властолюбїемъ, утверждающїй благоденствїе свое на зыбномъ основанїи вольности, или лучше, постыднаго рабства, любостяжанїя и насильства; — народъ, пролїявшїй рѣки крови своихъ собратїй и драгоцѣнную кровь добрыхъ своихъ Государей; — народъ, просвѣщенный — безъ благочестїя, дѣятельный — безъ терпѣнїя, смѣлый — безъ храбрости; — народъ безъ всякихъ истинныхъ доблестей, посреди мира и благоденствїя, посреди изобилїя и радостей съ великими силами вторгнулся въ предѣлы Россїи. Ими предводительствуетъ Наполеонъ — не исполинъ баснословный — не порожденїе языческихъ витязей — Наполеонъ, похититель престола, сынъ щастїя и брани, воздоенный и воспитанный Фурїями въ позоръ природѣ, въ омерзѣнїе народамъ и въ посрамленїе вѣкамъ.

Русскïе орлы не дремлютЪ. Они парятЪ далеко — далеко отЪ зеленыхЪ береговЪ Ругона. Они парятЪ сЪ оливою мира надЪ тихими струями славнаго Истра (*) около вершинЪ величественнаго Карпата, увѣнчанные новыми лаврами побѣдЪ надЪ Оттоманами. Быстро — быстро ихЪ око, страшны перуны. ИхЪ паренïе подобно молнïи. Отдаленность разстоянïя препятствуетЪ имЪ вЪ одно мгновенïе соединиться для пораженïя общими силами дерзновенныхЪ враговЪ вѣры. Они скоро — скоро соединятся, на всякомЪ шагѣ поражаютЪ враговЪ отечества и наносятЪ неизцѣльныя раны врагамЪ своего Государя. Уязвленный тигрЪ никогда не оставляетЪ природной своей лютости; онЪ еще болѣе умножаетЪ свою свирѣпость, еще болѣе ожесточается: такЪ НаполеонЪ, повсюду преслѣдуемый, повсюду стрегомый, повсюду поражаемый и уязвляемый, со скоростïю вихря вторгается вЪ предѣлы древней Россïи — и быстрый БорисѳенЪ (**) на крутыхЪ бе-

(*) Нынѣ Дунай.

(**) Нынѣ ДнѣпрЪ.

регахъ своихъ зритъ разъяренныя его разноде́ржавныя полчища.

Юныя Нимфы сѣдаго Борисѳена съ поникшими очами, съ сокрушеннымъ сердцемъ возвѣстили своей обладательницѣ пришествїе непрїятелей на цвѣтущїе берега свои, и съ истиннымъ состраданїемъ изобразили нынѣшнее нещастнѣйшее состоянїе щастливыхъ своихъ обитателей. ,,Ужасы настоящей войны неизъяснимы, вѣщали они. Домостроитель оставляетъ свое жилище, оратай — плугъ, пастухъ — стадо, и ищутъ безопаснаго себѣ убѣжища; устрашенная мать, прижавъ къ трепещущему сердцу малолѣтныхъ своихъ дѣтей, бѣжитъ въ неизвѣстныя ей лѣса, горы и долины, и утомленная подъ любезнымъ бременемъ, падаетъ безчувственна и бездыханна; добрый сынъ, возложа на рамена свои престарѣлаго отца, старается спасти его отъ огня и меча. Привидѣнїя и мечты имъ сопутствуютъ, а по слѣдамъ шествуетъ — опаснѣйшїй самаго непрїятеля томительный голодъ. Имущества ихъ расхищаются руками зло-

дѣевъ; города и села опустошаются пламенемъ. Ужасное зрѣлище! храмы, посвященные великому истинному Богу, ими осквернены, поруганы, а сокровища ихъ расхищены. Какое ослѣпленїе! какое безумїе просвѣщеннаго злочестиваго народа!" И Александръ Македонскїй, будучи язычникомъ, овладѣвъ Египтомъ, преклонилъ свои колѣна предъ Аписомъ (*).

Колоссальная Россїя съ сокрушенїемъ внемлетъ ужасному сему повѣствованїю; скорбь изображается на улыбающихся ея ланитахъ; сердце ея пылаетъ безпримѣрнымъ мужествомъ; иройская кровь кипитъ въ крѣпкихъ ея жилахъ. Но се! Божественная Вѣра, святая небожительница, вооруженная непреоборимою силою креста, съ таинственною чащею летитъ къ ней во утѣшенїе, ободряетъ, подкрѣпляетъ и внушаетъ ей: „Не унывай Россїя, любезная дщерь Невидимаго, Которому ты служишь правотою и истиною! Всевышнїй испытуетъ твое терпѣ-

(*) Черный быкъ — главное божество у древнихъ Египтянъ.

нїе; повинуйся всемогущей Его волѣ. Цѣлыя два столѣтїя протекли — и ты наслаждаешься тишиною, спокойствїемъ и благоденствїемъ. Всесильный караетъ и милуетъ, клянетъ и благословляетъ, какъ древлѣ возлюбленный Свой народъ, предводительствуемый Моисеемъ. Всесильный сокрушитъ рогъ гордыни враговъ твоего народа — враговъ всего человѣчества. Здѣсь положу камень, о который они преткнутъ ноги свои. Здѣсь, на поляхъ твоихъ, подобно праху, разсѣю кости ихъ. Здѣсь, на землѣ твоей, разбрызну кровь и мозгъ ихъ. Здѣсь — —" Святая Вѣра мановенїемъ креста осѣнила Москву и другїе грады и сокрылась въ эфирномъ небѣ.

На крутомъ берегу Борисѳена, надъ кристальными его струями возвышается многолюдный и укрѣпленный Смоленскъ, одинъ изъ древнѣйшихъ градовъ Русскихъ. Онъ былъ нѣкогда престольнымъ градомъ Князей отъ поколѣнїя незабвеннаго въ лѣтописяхъ нашихъ Святаго Князя Влади-

міра происходившихъ. Русской Кромвель (*) Годуновъ, достопамятный по чудному смѣшенію своихъ качествъ и дѣяній, соорудилъ огромныя его укрѣпленія. Солнце и луна зрѣли важныя перемѣны, происходившія въ ономъ. Сѣдая древность на мшистыхъ стѣнахъ начертала его исторію. Онъ былъ попеременно позорищемъ кровопролитій и опустошеній. Наполеонъ съ великими силами устремляется на низложеніе онаго. Русской Ирой Раевскій, образецъ храбрости и любви въ Отечеству, не многолюдствомъ своихъ воиновъ, не числомъ, но высокою мѣрою мужества старается отразить сильнѣйшаго его непріятеля. Онъ проситъ, ободряетъ, увѣщеваетъ своихъ воиновъ и, взявъ малолѣтныхъ своихъ дѣтей, восклицая: *Я приношу ихъ въ жертву Отечеству*, самъ первый показываетъ путь, и съ словомъ: *Друзья! ступайте за мною*, нападаетъ, поражаетъ и прогоняетъ непріятеля. Поступокъ, достойный истинно Русскаго Военачальника! Онъ предпочитаетъ въ сво-

(*) Кромвель похититель Англійскаго престола, убійца Короля Карла I го.

емѣ сердцѣ любовь къ Отечеству нѣжной любви къ дѣтямъ. Здѣсь нравоученіе становится выше природы. Сіе произшествіе требуетъ достойной онаго кисти: я молчу. Пусть объ немъ судятъ тѣ, коимъ сердце человѣческое лучше извѣстно.

Уже приближаются непріятельскіе полки къ стѣнамъ крѣпости; уже мѣдныя жерла изрыгаютъ смертоносные удары; уже алчная смерть однимъ махомъ истребляетъ тысящи человѣческихъ жизней: но отчаянныхъ враговъ ничто не остлавливаетъ; они презираютъ тысячи смертей; они устремляются во врата крѣпости и по собственнымъ трупамъ вступаютъ въ оную. Россія ожидаетъ здѣсь совершеннаго пораженія непріятелей; Россія полагаетъ здѣсь предѣлъ ихъ завоеваніямъ; Россія не можетъ вообразить себѣ покоренія сей важной крѣпости. Но когда Богъ попускаетъ, тогда никакая человѣческая сила противодѣйствовать не можетъ.

Война утвердила свое владычество на всемъ земномъ шарѣ — вездѣ, гдѣ толь-

ко люди обитать могутъ. Она есть божество, которому покланялись древніе и нынѣшніе народы покланяются. Свирѣпый ея взоръ умерщвляетъ, какъ ядовитое дыханіе лютаго змѣя; кровавыя ея очи на подобіе тигровыхъ сверкаютъ смертоносною молніею. Жестокое на подобіе желѣза ея сердце не смягчается ни воздыханіями мужей, ни воплемъ женъ и дѣтей, ни страданіями дряхлыхъ старцевъ. На огнепалящей колесницѣ она паритъ по кипящимъ потокамъ крови, по охладѣвшимъ трупамъ, неся во взорахъ и дуновеніи единую черную смерть. Она не пріемлетъ инаго жертвоприношенія, кромѣ жизней и нещастій человѣческаго рода. Ея жертвенникъ безпрерывно обагренъ дымящеюся кровію. Она есть непріятельница всего живущаго подъ солнцемъ и врагъ всякаго покоя, порядка и благоденствія. Ей безотлучно сопутствуетъ сухой костякъ, подобный тѣни, образующій только видъ человѣка; — смерть, слабый, едва движущійся призракъ съ поникшею главою, со впалыми полумертвыми глазами; — голодъ, жена, едва покрытая рубищемъ съ уны-

лымъ лицемъ, означеннымъ глубокими морщинами, дрожащая отъ разныхъ перемѣнъ воздуха — бѣдность; потомъ сопутствуютъ ей страхъ, унынїе, убїйство, язва, хищенїе, святотатство и другїя безчисленныя чудовища, составляющїя ея дружину.

Сїя адская богиня, увѣнчанная пернатымъ шлемомъ, вооруженная латами и щитомъ, препоясанная обоюдуострымъ мечемъ; со смертоносным факеломъ проникаетъ въ сердце Россїи. Храброе Русское воинство, движимое любовїю къ вѣрѣ, Отечеству и Государю, старается удержать ея стремленїе. Обѣ армїи на поляхъ Можайскихъ, не подалеку отъ исходищъ рѣки Москвы, вступаютъ въ сраженїе, которое можно назвать сраженїемъ Ироевъ, начинается ужаснѣйшее убїйство; земля обагряется обоюдною кровїю; обширная равнина покрывается трупами. Сила не уступаетъ силѣ. Наконецъ послѣ толь упорнаго дѣйствїя, которому едва ли найдется подобное во всей Исторїи человѣческаго рода, Русскїе Ирои

удерживаютъ мѣсто сраженія, и потеря ихъ непріятелей удвоена потерею нашихъ Ироевъ. Такимъ образомъ воинство единодушіемъ и любовію къ вѣрѣ, Отечеству и законному Государю дышущее, имѣетъ преимущество предъ разноплеменными полчищами, которыя сражаются ни за вѣру, ни за отечество, ни за Государя. Тысящи Русскихъ Ироевъ пали со славою на полѣ чести, но они вѣчно будутъ живы въ памяти благодарнаго потомства. Безпристрастная Кліо (*) неизгладимыми чертами запишетъ имена ихъ въ книгѣ великихъ Ироевъ и содѣлаетъ ихъ безсмертными.

Какъ быстротекущій ураганъ (**) стремится съ невообразимою скоростію и оставляетъ по себѣ ужасные слѣды разрушенія. Его силѣ ничто не противоборствуетъ, ничто ему противустоять не можетъ; самыя крѣпчайшія древа повергаются съ корнемъ, какъ гибкій тро-

(*) Муза Исторія.

(**) Сильный, всесокрушающій вихрь, бывающій особливо на островахъ Западной Индіи.

стникЪ, огромныя зданія и пастушескій шалашЪ сравниваются сЪ землею; самыя быстрыя рѣки возвращаются вспять; море выливается изЪ своихЪ береговЪ. Густота облаковЪ, свистЪ вѣтра, ревЪ морскихЪ волнЪ сопутствуютЪ сему страшному явленію вЪ Природѣ; всѣ живыя существа, кромѣ открытаго неба, не имѣютЪ себѣ другаго спасенія, и чего не истребляетЪ ярость одной, то довершаетЪ свирѣпство другой стихіи — чрезвычайное наводненіе: такимЪ образомЪ НаполеонЪ стремится со всѣми своими силами кЪ пресловутому граду Москвѣ; на быстромЪ пути его ничто не останавливаетЪ; грады и веси истребляются пламенемЪ; имущества оныхЪ расхищаются; поля и пашни опустошаются; устрашенные жители кромѣ бѣгства не имѣютЪ другаго спасенія; его путь представляетЪ плачевнѣйшую пустыню, обитель смерти, жилище врановЪ и хищныхЪ звѣрей. И се! дерзновенный НаполеонЪ является подЪ стѣнами первопрестольнаго Русскаго града!

На самой высотѣ необозримаго Алауна, на плодоносной великой равнинѣ, гор-

дится своею обширностїю, красотою и огромностїю своихъ зданїй, Москва, древняя Столица, мать безчисленныхъ градовъ Русскихъ. Она представляетъ сердце въ огромномъ тѣлѣ обширнѣйшей и богатѣйшей въ свѣтѣ Имперїи. Безпрерывная ея дѣятельность въ торговлѣ, упражненїе въ рукодѣлїяхъ и художествахъ подобны безпрерывному его бїенїю, или пульсамъ Государственнаго тѣла. Безчисленныя богатства изъ всѣхъ частей пространнѣйшей Россїи, изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ странъ свѣта, помощїю кровевозвратныхъ жилъ сердца стекаются въ оную и посредствомъ его боевыхъ жилъ разливаются опять по всему огромному тѣлу Государства. Стеченїе людей изъ разныхъ странъ свѣта дѣлаетъ ее Столицею мїра и вмѣстилищемъ сокровищъ вселенныя. Она есть цѣлый мїръ въ маломъ видѣ, образецъ вкуса и всего, что есть изящнѣйшаго въ мїрѣ. И се дерзновенный Наполеонъ является среди Русской Столицы!

Затрепетало сердце Россїи; задрожали мощные члены огромнаго ея тѣла; за-

трещали крѣпкїя мышцы, связующїя составы многосложнаго ея цѣлаго. Ясный лучь солнца изчезъ въ безмѣрномъ пространствѣ, исполненномъ черною мглою; свѣтлые дни блаженства канули въ мрачную бездну нещастїй. Генїй унылыя Россїи, низшедшїй отъ небесной выспренности, ищетъ на землѣ себѣ утѣшителя, ищетъ избавителя, ищетъ спасителя и обрѣтаетъ его по провидѣнїю Всемогущаго. — И се! посреди мрака осенней полунощи блеснулъ лучь надежды. Россїя летитъ къ нему на быстрыхъ крылїяхъ вѣтра. Тамъ въ тѣсной хижинѣ, посреди мертвенной тишины, она зритъ предъ собою почтеннаго старца, сѣдинами украшеннаго, зритъ на высокомъ челѣ его неизгладимыя впечатлѣнїя великаго его духа и глубокаго размышленїя, зритъ на увядающихъ его ланитахъ изображенїе величества, спокойства и неизъяснимаго самоудовольствїя. Россїя мнитъ, что онъ весь учинился великимъ ея Генїемъ, и весь Генїй ея въ него одного претворился. Онъ одинъ бодрствуетъ: вѣрнѣйшая его стража дремлетъ; все тихо въ часъ по-

лунощи, только осенїй вѣтръ летаетъ съ свистомъ вокругъ бѣдной его хижины. Возблисталъ взоръ его, какъ весеннее солнце въ часы Майскаго полудня; возвысилось кроткое чело его, и онъ взираетъ съ нѣжною сыновнею улыбкою на печальную, унылую, изъязвленную жену, и по безпримѣрному ея величеству, по Божественной ея лѣпотѣ, по неизмѣнившимся ея прелестямъ познаетъ въ ней мать и обладательницу свою — Россїю. Россїя по сребристымъ власамъ, по глубокимъ его язвамъ, по опытному его мужеству и премудрости познаетъ въ немъ своего возлюбленнаго сына, предводителя храбрыхъ своихъ воиновъ, истиннаго и вѣрнаго своего избавителя (*).

Сїя колоссальная жена ободрилась въ одно мгновенїе; небесная улыбка появилась на прекрасныхъ ланитахъ; кроткїй, сїяющїй ея взоръ въ величественномъ взорѣ посѣдѣвшаго во бранѣхъ своего Ироя читаетъ начертанїе будущихъ его

(* Кто не узнаетъ, что здѣсь описывается Свѣтлѣйшїй Князь Голенищевъ - Смоленскїй.

предпрїятїй для истребленїя враговъ Отечества. Небесный ея взоръ вливаетъ въ его сердце новыя силы, новую бодрость, новое мужество. „Господь мой силенъ во бранѣхъ, рекла величественная жена. Онъ поразитъ моихъ злодѣевъ крѣпкою твоею мышцею; Онъ покажетъ тебѣ Генїевъ военнаго искуства изъ среды Русскихъ Ироевъ. Тамъ неутомимый въ военныхъ подвигахъ Виттенштейнъ спасетъ моихъ Варяжскихъ народовъ; тамъ неустрашимый Платовъ нанесетъ врагамъ моимъ неизцѣльныя язвы; тамъ храбрый Чичаговъ всякой шагъ земли Русской обагритъ ихъ кровїю; тамъ дѣятельный Милорадовичь поразитъ повсюду бѣгущихъ моихъ злодѣевъ. А ты, великїй Полководецъ Русскихъ Ироевъ, котораго Всевышнїй Промыслъ предназначилъ быть моимъ спасителемъ! пойди, отмсти, погуби и въ конецъ истреби враговъ вѣры, Отечества и добраго своего Государя, враговъ моего покоя, порядка и благоденствїя.“ Она рекла и стала невидима.

Между тѣмъ Наполеонъ, упоенный ложнымъ щастїемъ и льстивою надеждою,

покоится въ Москвѣ. Онъ мнитъ удовлетворить гнусному своему корыстолюбію похищеніемъ несчетныхъ богатствъ церковныхъ и несмѣтныхъ сокровищъ Царскихъ; онъ мнитъ обогатить свое воинство разграбленіемъ частныхъ имуществъ и утолить голодъ алкающей своей арміи; но не находитъ ни сокровищъ, ни жителей, ни пропитанія; онъ ярится какъ лютый тигръ, хотѣвшій схватить добычу, которая избавляется отъ острыхъ когтей его. Злыя Фуріи обвившись жмутъ его сердце, и цѣлый адъ наполняетъ его душу. Въ буйственной своей ярости онъ истребляетъ зданія пламенемъ. Поступокъ недостойный даже вѣковъ варварства, оказывать свою жестокость надъ бездушными вещами! Огненныя рѣки текутъ отъ одного до другаго края прекрасной Столицы. Храмы и зданія — образцы великолѣпія, огромности, красоты и вкуса, драгоцѣннѣйшія произведенія искуства, незабвенные памятники постепеннаго народнаго образованія, которая чтитъ ѣдкое время — превращены въ кучи камней. Исторія поставитъ имя Наполеона

превыше имени Герострата, сожегшаго токмо единый храмъ Ефесской Діаны. Онъ стремится, силится, но не достигаетъ цѣли адскихъ своихъ намѣреній, чтобъ покорить и уничижить Богомъ хранимый народъ Русской. Онъ старается обѣщаніями, увѣреніями, обольщеніями привлечь оный на свою сторону, но ни въ чемъ не успѣваетъ. Онъ въ ярости гнѣва своего и мщенія истребляетъ драгоцѣннѣйшіе остатки Москвы, пережившіе нѣсколько рядовъ столѣтій. Онъ дѣлаетъ подкопы подъ Кремль, подъ Кремлевскія зданія, подъ храмы, искони Всевышнему посвященные, и силою пороха поднимаетъ на воздухъ. Но храмы Божіи чудеснымъ образомъ сохранились во знаменіе вѣры христолюбиваго Русскаго народа. Такимъ образомъ уничтожаются человѣческія намѣренія, когда они противны волѣ Всемогущаго! Наконецъ Наполеонъ бѣжитъ, томимый стужею, гладомъ и нуждою, тѣснимый и поражаемый Русскими, угнѣтаемый суровостію времени и еще болѣе страхомъ будущихъ горшихъ нещастій.

Наполеонъ бѣжитъ съ отчаянїемъ въ сердцѣ, оставя раззоренную Москву; бѣжитъ сопутствуемый ужасами и страхомъ съ великою поспѣшностїю, въ неслыханномъ безпорядкѣ, оставляя на плачевномъ пути своемъ пушки, воинскїе снаряды, тяжелые обозы; — бѣжитъ, оставляя по себѣ слѣды крови поражаемыхъ своихъ воиновъ; — бѣжитъ съ малыми остатками отъ многочисленнѣйшихъ своихъ полчищъ, которыя каждый день уменьшаются отъ пораженїй, бѣгства, усталости, болѣзней, отъ голодной и хладной смерти. Солнце никогда еще не освѣщало нещастнѣйшей армїи на земномъ шарѣ.

Никакое обширное воображенїе Историка не можетъ ясно представить нещастный видъ разоренной адскимъ мщенїемъ Наполеона, и оставленной имъ Москвы. Никакое обыкновенное перо не можетъ живо описать нынѣшнее ея состоянїе. Кисть и рѣзецъ гораздо краснорѣчивѣе всякаго пера. Пусть пламенная кисть Генїя - живописца, пусть острый рѣзецъ Генїя-ваятеля изобразятъ намъ и потом-

ству ужасную ея картину. Я кладу слабое перо свое.

Здѣсь умолкнулъ почтенный житель древняго Алауна и не могъ продолжать своей повѣсти; — умолкнулъ — погрузился въ глубокое размышленїе, а потомъ разсуждалъ такимъ образомъ:

Настоящая война по быстротѣ двухъ сильнѣйшихъ армїй въ свѣтѣ, по скорости завоеванїй и опустошенїй, по равносильному упорству и сопротивленїю, заслуживаетъ особенное примѣчанїе Историка, Политика и Философа. Обоюдныя дѣйствїя оныхъ толь живы, взаимная бдительность и вниманїя толь тонки и хитры, планы толь скоры, разнообразны и перемѣнчивы, что сїя война ничего не имѣетъ себѣ подобнаго въ Политикѣ и Исторїи. Можно ли вообразить, чтобъ двѣ многочисленнѣйшїя армїи съ тяжелыми орудїями и обозами, имѣя на пути безчисленныя препятствїя и затрудненїя, почти безпрестанныя сраженїя, обороняя и покоряя города и крѣпости, въ три

мѣсяца могли перейти разстоянія отъ Нѣмена до Москвы и обратно около двухъ тысячь верстъ, или три ста миль Нѣмецкихъ? Сіи обоюдныя дѣйствія двухъ армій можно уподобить бѣгству и погонѣ.

Воевать въ отдаленнѣйшей странѣ хладнаго Сѣвера, не имѣть въ готовности самыхъ необходимыхъ потребностей жизни, не получать помощи изъ отечества, отъ союзниковъ и вазалловъ: вотъ дерзновенная Политика новаго Французскаго Македонца! Но его соперникъ — не Кодоманъ (*) безпредѣльный властелинъ, изнѣженный Азійскою роскошью; полководецъ — не Мардоній, сатрапъ странъ восточныхъ; воины — не рабы и невольники Персіи, стыдъ и уничиженіе человѣчества; его соперникъ — АЛЕКСАНДРЪ Первый, Отецъ Отечества, Ангелъ на Престолѣ, Божество своихъ народовъ; Его Полководецъ — Ирой, посѣдѣвшій во браняхъ, переносящій военныя трудности на ряду съ своими сподвижниками; каждый

(*) Дарій Кодоманъ, Персидскій Государь, покоренный Александромъ Македонскимъ.

воинѣ, каждый Его подданный — богатырь, сражающїйся за вѣру, Отечество, за славу добраго своего Государя, за свою родину и собственность. Тотѣ скоропостижныя и обширныя свои завоеванїя удержалѣ по крайней мѣрѣ на кратковременную жизнь свою; огромный колоссѣ его разрушился, какѣ обыкновенное слѣдствїе безразсудныхѣ завоеванїй; а сей вѣ одномѣ постыдномѣ бѣгствѣ ищетѣ своего спасенїя. Пробѣжать маршемѣ чрезѣ малую полосу земли Русской, занять оставленную Столицу безѣ кровопролитїя, все вѣ ней вѣками созданное разрушить, не имѣть никакихѣ успѣховѣ отѣ трудной и тяжкой войны, бѣжать и потерять свою армїю вѣ глубокихѣ снѣгахѣ Сѣвера: вотѣ мудрая Политика повелителя Французовѣ, великаго Наполеона!

Наполеонѣ мнилѣ вѣ буйственной своей гордости, что, нанеся только легкїя язвы, Русское Царство покорить возможно. Онѣ мечталѣ призраками мнимой вольности, или что все равно, достохвальнаго Французскаго рабства оболь-

стить, покорить и уничижить народъ Русской. Духъ лести, лжи и измѣны внушалъ и предлагалъ его владычеству весь Сѣверъ со всѣми несмѣтными его богатствами и сокровищами. Наполеонъ мнилъ, мечталъ, слушалъ и обманулся. Возможно ли покорить народъ, который твердъ въ своей вѣрѣ, который хранитъ ненарушимо святую нравственность и обычность славныхъ своихъ предковъ, который соединенъ неразрывнымъ союзомъ единомыслія и единодушія, внушаемыхъ кроткими его законами? Возможно ли покорить народъ, который непоколебимъ въ вѣрности къ своимъ Государямъ, который съ сыновнею горячностїю любитъ свое Отечество; а сїе взаимно имѣетъ объ немъ неослабное попеченїе, какъ о своихъ дѣтяхъ? Возможно ли покорить Русское Царство, гдѣ народъ питаетъ твердую увѣренность къ благотворному своему Правительству, хранящему права, собственность и жизнь каждаго, гдѣ правосудїе торжествуетъ надъ неправдою — кротость владычествуетъ надъ жестокостїю; гдѣ безмездїе глумляется мздоимству; гдѣ мужество, храб-

рость и вѣрность гнушаются трусостїю, малодушїемъ и подлою измѣною? Но горе Царству, горе народу, горе Правительству, которыя, держа слабо вожди правленїя, попустятъ искоренить общественныя и гражданскїя добродѣтели и уничижить духъ народа! Горе! — — — Тутъ почтенный Алаунскїй старецъ на нѣсколько минутъ прервалъ свое повѣствованїе.

Естьли кто воображаетъ, что народъ Русской покорить можно, тотъ пусть вопроситъ у вѣковъ прошедшихъ. Уже протекло два столѣтїя, когда Россїя находилась въ самомъ плачевнѣйшемъ состоянїи, когда Поляки жесточайшею войною и бѣдствїями довели ее до крайняго истощенїя. Москва была взята, разграблена и опустошена; разныя партїи Русскихъ злодѣевъ раздирали ея сердце на части: тогда явились Генїи, спасители Отечества (*), освободившїе Столицу и все Русское Царство отъ внѣшнихъ и внутреннихъ непрїятелей, даровавшїе ему

(*) Нижегородскїй купецъ Мининъ и Князь М. Д. Пожарскїй.

миръ и положившїе первый камень во основанїе того благоденствїя и величїя, которыми оно донынѣ наслаждается.

Самая великая опасность требуетъ еще величайшихъ усилїй. Естьли тогда, то нынѣ ли не сыщутся изъ среды благороднѣйшаго и храбрѣйшаго Русскаго народа милїоны спасителей и защитниковъ Россїи? — Мало примѣровъ въ Исторїи, чтобъ какой нибудь народъ такъ любилъ свое отечество, какъ любитъ оное народъ Русской. Всему свѣту извѣстно, какїя онъ сдѣлалъ пожертвованїя и приношенїя по единому мановенїю любимаго своего Государя въ прошедшую и нынѣшнюю войну съ Французами, для двухъ обожаемыхъ имъ предметовъ, то есть: для добраго своего Государя и любезнаго Отечества. И возможно ли удивляться, чтобъ такой народъ, который не щадитъ жизни своей за Отечество, который приноситъ дѣтей своихъ въ жертву оному; возможно ли, повторю еще, чтобъ великїй сей народъ для нихъ пощадилъ свое имѣнїе и собственность? —

Всѣ состоянія единодушно добровольнымъ приношеніемъ положили на жертвенникъ Отечества тысячи миліоновъ рублей деньгами и другими необходимыми для войны потребностями и пособіями безъ чувствительнаго для себя отягощенія. — Вотъ единственая, неподражаемая черта народа Русскаго, которой примѣра не находится ни въ древней, ни въ новой Исторіи! Вотъ образецъ, которому не было подобнаго, или похожаго между древними и нынѣшними народами во всѣхъ частяхъ свѣта! Поздное потомство, вѣрный цѣнитель дѣлъ своихъ предковъ, едва ли повѣритъ сему истинному повѣствованію.

Высокое Русское Духовенство Христіанскими своими внушеніями къ единомыслію и единодушію, своими наставленіями и убѣжденіями въ любви къ вѣрѣ, Отечеству и Престолу при нынѣшнихъ несчастныхъ обстоятельствахъ оказало незабвенную услугу народу Русскому. Оно доказало собственнымъ примѣромъ, что жертва Всесильному ни чѣмъ не равнится

отъ жертвы Отечеству, что добродѣтели Божественныя соединены тѣснѣйшимъ союзомъ съ добродѣтелями гражданскими.

Благородное Русское Дворянство, которое всегда было столпомъ, утвержденіемъ и защитою Престола и Отечества, нынѣ особливо явило рѣшительную свою готовность для спасенія оныхъ жертвовать не только всѣмъ своимъ имѣніемъ, но даже не щадить для нихъ своей жизни до послѣдняго ударенія сердца; ибо его изображеніе — мужество и храбрость; занятія — военные подвиги; его украшеніе — слава, раны, язвы, или ироическая смерть. — Сколько пало Русскихъ Ироевъ на кровавыхъ битвахъ ужасной сей войны — на поляхъ чести и славы! Сколько осталось вдовъ и сиротъ, оплакивающихъ мужей и родителей! Но утѣшьтесь, нещастные! Государь — вашъ нѣжный Отецъ; Отечество — чадолюбивая мать, которые пріемлютъ васъ въ свои объятія.

Знаменитое Русское купечество и жители городовъ въ своей ревности, сорев-

вованія и вѣ приношеніяхѣ на общую пользу никогда не отставали отѣ прочихѣ сословій Государства. Они подражали примѣру достохвальнаго и незабвеннаго вѣ бытописаніяхѣ нашихѣ Минина, принесли на жертву Отечества великіе капиталы, а вѣ военныхѣ подвигахѣ оказали свою неустрашимость и мужество.

Поселяне и земледѣльцы, жители селѣ и деревень, многочисленнѣйшее сословіе Русскаго народа, основаніе силы и могущества Русскаго Царства, при нынѣшней безпримѣрной войнѣ явили незабвенную любовь свою кѣ вѣрѣ, Отечеству и Государю. Со знаменіемѣ креста на челѣ, сѣ неустрашимостію вѣ сердцѣ, сѣ презрѣніемѣ всѣхѣ опасностей вѣ душѣ, они текли на поле славы, защищали свою родину и поражали враговѣ своихѣ. Они доставляли войскамѣ пропитаніе, одежду, помогали имѣ вѣ нуждахѣ, облегчали военныя ихѣ трудности, и чрезѣ то оруженосному воинству способствовали кѣ истребленію непріятелей.

Всѣ народы на земномъ шарѣ одушевляются неизъяснимымъ общимъ побужденїемъ, или стремленїемъ къ единой цѣли, что почитаютъ они своимъ благомъ, или общимъ отвращенїемъ и омерзѣнїемъ отъ какого нибудь предмета, который признаютъ для себя зломъ, и сїе обыкновенно называютъ духомъ народа. Сей народный духъ возвышается на подобїе барометра, или на подобїе морскаго прилива, когда народъ возвыщается, или когда Правители Державъ пекутся объ его возвышенїи. Онъ упадаетъ на подобїе морскаго отлива, или на подобїе барометра, когда народъ уничижается, или когда народъ угнѣтается свинцовою рукою Правительства. О! естьли бы Законодатели и Политики взирали на духъ народный, какъ на вѣтрила, и такимъ образомъ управляли кораблемъ Государственнымъ: то бы вѣрно избѣгали кораблекрушенїя, и вѣрно достигали тихаго и спокойнаго пристанища! Духъ народа есть ужаснѣйшїй и неукротимый штурмъ (*), когда онъ раз-

(*) Сильное волненїе моря.

дражается; онъ есть бездѣйственный штиль (*), когда оставляется въ небреженіи, или еще хуже, въ постыдномъ уничиженіи.

Никогда духъ народный такъ живо не обнаруживается, какъ въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ. Настоящая война ясно доказала всему свѣту, что Руской народный духъ непобѣдимъ, что онъ не имѣетъ подобной себѣ на землѣ великости. Духъ народа всегда переживаетъ свой народъ. Имя народа истребляется изъ памяти человѣковъ, но духъ его пребываетъ вѣчно въ бытописаніяхъ человѣчества. Великіе духи Римскаго и Рускаго народовъ до тѣхъ поръ не истребятся, пока земля и луна, солнце и звѣзды существовать будутъ. Наполеонъ не зналъ сего народнаго Рускаго духа; — не зналъ, что онъ превыше всякаго обольщенія, лжи и обмана, и потому потерялъ многочисленнѣйшую свою армію, посрамилъ въ потомствѣ всѣ дѣла

(*) Тишина моря.

свои, постыднымъ бѣгствомъ спасъ ненавистную жизнь свою, и въ великомъ духѣ непобѣдимаго Русскаго народа оставилъ вѣчное мщенїе и непреодолимое отвращенїе къ себѣ и Французамъ.

Величественная Россїя, увѣнчанная лаврами безчисленныхъ побѣдъ надъ непрїятелемъ, посреди славы и торжествъ, посреди неизчетныхъ трофеевъ и добычь, знаменующихъ мужество и храбрость ея воиновъ, посреди восторговъ и радостей, въ полной нѣжности всѣхъ чувствъ своихъ, проливаетъ истинныя слезы состраданія о нещастныхъ своихъ чадахъ, которыя лишились своего имущества отъ рукъ злодѣевъ и не имѣютъ ни пристанища, ни пропитанїя. Утѣшьтесь, бѣдные, нещастные и раззоренные! Порфироносный АЛЕКСАНДРЪ, нѣжный вашъ Отецъ, неизчерпаемый въ милостяхъ и благотворенїяхъ, усладитъ ваши горести, отретъ ваши слезы и наградитъ вашу потерю. ЕГО дѣятельность – есть вашъ покой; ЕГО попечительность — ваше благоденствїе; ЕГО мудрость — вѣнецъ щастїя вашей жизни.

Побѣдоносная Россія возноситъ теплое и усердное благодареніе ко Господу, источнику силъ и побѣдодателю всемогущему Богу. Она предъ цѣлымъ свѣтомъ изъявляетъ истинную признательность и благодарность браненосному Русскому воинству, высокому Духовенству, Благородному Дворянству, знаменитому купечеству и всему Русскому народу, всѣмъ вѣрнымъ сынамъ своимъ, которые единодушнымъ содѣйствіемъ, общимъ ревніемъ и усердіемъ низложили и истребили враговъ вѣры, Отечества и Государя.

Наконецъ торжествующая Россія предъ цѣлымъ свѣтомъ свидѣтельствуетъ истинную признательность и благодарность Предводителю храбраго Русскаго воинства, Ирою, во бранѣхъ посѣдѣвшему, украшенному ранами и язвами, побѣдителю Наполеона, Свѣтлѣйшему Князю Кутузову - Смоленскому. Она чтитъ его славою своихъ Ироевъ, украшеніемъ своего народа, примѣромъ мужества и любви къ Отечеству; — чтитъ вторымъ Княземъ Пожарскимъ, своимъ спасителемъ, и

воздвигаетъ ему безсмертный памятникъ изъ чистыхъ сердецъ, пылающихъ вѣчною благодарностїю къ великимъ подвигамъ своихъ защитниковъ.

ТЕБѢ же, Августѣйшїй МОНАРХЪ! какую принесетъ жертву ТВОИМЪ премудрымъ мановенїемъ спасенная Россїя? — Она съ благоговѣнїемъ преклоняетъ ТЕБѢ колѣна и — безмолвствуетъ.

Данковъ. 6 го Декабря 1812 года.